

ТОРГОВОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ЛАТВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Х. П. Стродс

Прибалтийские губернии России уже в 70-х годах XIX в. являлись территорией с развитым земледельческим капитализмом¹. Возникает вопрос, не наблюдались ли в Прибалтике зачатки явлений, характерных для развития торгового земледелия, еще в дореформенный период?

В настоящей статье мы рассмотрим в общих чертах становление торгового земледелия в Латвии в первой половине XIX в., в условиях развития в стране капиталистического уклада. Хотя в латвийской советской историографии достигнуты значительные успехи в изучении аграрной истории периода позднего феодализма², тем не менее исследование развития торгового земледелия затрудняется рядом фактов. Среди них, помимо крупных лакун в источниковой базе, следует упомянуть недостаточное изучение истории сельского хозяйства в XVIII в., особенно на уровне отдельных хозяйств, отсутствие единой методики обработки статистического материала, недостаточное применение сравнительно-исторического метода.

Развитие торгового земледелия в Латвии стимулировалось включением ее в XVIII в. в состав России и вовлечением во всероссийский рынок. Росту рыночных связей здесь способствовала подворная система землепользования, наличие в Курляндии (Курземе) и Лифляндии (Видземе) сравнительно крупных (в среднем по 30—50 га) крестьянских хозяйств, наследуемых по принципу майората, и значительное развитие мызно-барщинного хозяйства. Заметное влияние на оживление торговли оказывало также географическое положение Латвии — ее расположение у Балтийского моря, непосредственные экономические связи со странами Западной Европы. Однако существование феодальной земельной собственности и крепостного права, дворянских, гильдейских и цеховых привилегий, неудовлетворительное состояние путей сообщения и транспортных средств, самостоятельное существование торгового капитала, реакционная политика дворянства тормозили развитие здесь торгового земледелия.

Традиции товарного производства в прибалтийской мызе были весьма давними: натуральный характер она утратила, видимо, уже к началу XVI века. Мызное хозяйство подавляло товарное производство в

¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 268, 216.

² Я. Зутис. Видземские и курземские крестьянские законы начала XIX века (1804—1819). Рига. 1954 (на лат. яз.); его же. Освобождение видземских и курземских крестьян от крепостной зависимости в 20-х годах XIX века. Рига. 1956 (на лат. яз.); М. Сваране. Дворохозяин и батрак в Курземе и Видземе в середине XIX века. Рига. 1971 (на лат. яз.); Х. Стродс. Сельское хозяйство Латвии в период перехода от феодализма к капитализму (80-е годы XVIII в.— начало 60-х годов XIX в.). Рига. 1972 (на лат. яз.).

крестьянском секторе и путем прямого принуждения и тем, что оказывало на него экономическое давление, выбрасывая на рынок большое количество дешевых продуктов. Поэтому крестьянское товарное производство концентрировалось в тех отраслях, в отношении которых мыза не обладала монопольными правами (животноводство) или в которых она не была в состоянии организовать качественное производство товаров (льноводство). В XVII в. и первой половине XVIII в. наблюдался процесс развития простого товарного производства вширь. Ко второй половине XVIII в. феодально-барщинное хозяйство в Латвии в значительной степени исчерпало возможности наращивания производства традиционных товаров для рынка с помощью одних только феодальных методов. Все большее значение в качестве стимулятора товарного производства в это время стало приобретать развитие технических сельскохозяйственных производств³, требовавших капиталовложений (повсеместное устройство промышленных заведений и винокурен, покупка бычков для откорма и т. д.). Наряду со «старыми» товарами — зерном, лесоматериалами — на рынок все в больших количествах поступали водка, пиво, мясо, кирпич, известь, пряжа, ткани и т. д. Например, около 90% водки и пива предназначалось для сбыта в местных корчмах или соседних губерниях. Товарное производство в рассматриваемое время, с одной стороны, способствовало укреплению феодально-крепостнического строя, с другой — расширяясь, предвещало его перерождение.

Основной отраслью сельского хозяйства Латвии в первой половине XIX в. было зерновое хозяйство. Даже по заниженным данным отчетов губернаторов, средний, чистый, годовой сбор зерна в расчете на душу населения в прибалтийских губерниях повысился с 2,4 четверти в 1802—1811 гг. до 2,7 четверти в 1840—1850 гг. и до 2,9 четверти (вместе с картофелем) в 1851—1860 гг. (рост на 19,6%)⁴. Особенно высокий уровень производства товарного зерна имел место на плодородной Земгальской низменности в южной части Латвии (в Курляндской губернии). В итоге Прибалтика, уже в начале XIX в. выделявшаяся среди районов нечерноземного центра России сравнительно высокой урожайностью и излишками хлеба⁵, в 40-х — 50-х годах того же века повысила производство хлеба и картофеля для продажи в среднем примерно до 20—30% от чистого сбора, несмотря на увеличение населения на 80%, и начала специализироваться на животноводстве (об этом см. ниже). Поскольку две трети зерна и картофеля производилось на крестьянских полях, с отменой в 40-х — 50-х годах барщины и исчезновением необходимости кормить батраков (которых крестьяне держали для обработки мызных полей) доля крестьянского товарного хлеба возрасла.

Излишки зерна поступали на рынок уже в период развитого феодализма. Наблюдались ли в этом отношении в последний век существования феодальной системы в Латвии какие-либо новые явления, помимо объема производства продукции и смены форм феодальной ренты? Характер сельскохозяйственного производства и в первой половине XIX в. оставался феодальным, однако уже во второй половине XVIII в. производство зерна для рынка все больше становилось основной целью мно-

³ «История Латвийской ССР». Т. I. Рига. 1952, стр. 404.

⁴ И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. «История СССР», 1959, № 1, стр. 74, 76. В Латвии в первой половине XIX в. для пропитания взрослого батрака в год считали необходимым выделять 6 пур (примерно 18 пуд.) ржи, 1,5 пур (4,5 пуд.) крупы и 2 2/3 пур (8 пуд.) бобовых, которые возмещали дефицит животных белков. Поскольку для женщин эта норма была ниже, а для детей составляла 4,5 пур ржи, то в среднем на душу населения приходилось, по-видимому, не больше 2 четвертей зерна (М. Сваране. Указ. соч., стр. 256—263.)

⁵ В. К. Яцунский. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М. 1961, стр. 128, 132—133.

гих имений, особенно в зерноводческих районах. Кроме того, товары и в мызных хозяйствах стали производиться в основном наемными батраками, которых (хотя в большинстве случаев в порядке принудительного найма) нанимали крестьяне — дворохозяева, посылавшие их на мызу для отработки барщины.

Возникает вопрос: существовала ли так называемая обратная связь, то есть имела ли место реакция сельскохозяйственного производства крестьян на изменения рыночной конъюнктуры? В Берзмуйжской волости (Земгальская низменность), например, посевы ржи в 1846 г. по сравнению с 1747 г. увеличились на 64%, ячменя — на 134%, овса — на 144%, а пшеницы — на 1500%⁶. Поскольку цены на пшеницу в XVIII в. приблизительно вдвое превысили цены на рожь, посевы пшеницы на Земгальской низменности (особенно после замены в 1772 г. в имениях Курляндского герцога натуральных податей крестьян денежными платежами) быстро расширялись. В крестьянских хозяйствах Сипельской волости, например, в 1813 г. сборы пшеницы составляли от 21 до 43% от общих сборов озимых. При этом крестьяне сеяли пшеницу специально на продажу⁷. Таким образом, уже во второй половине XVIII в. на запросы рынка и происходившую под их влиянием смену форм феодальной ренты крестьянское хозяйство реагировало переходом к производству более доходной продукции.

В товар превращались не только пшеница и излишки другого зерна, но иногда даже зерно, необходимое для пропитания. Как видно из циркуляра казенной палаты Курляндской губернии от 23 июля 1807 г., дворохозяева (особенно если цены на хлеб стояли высокие) осенью зачастую продавали весь запас хлеба, а весной по старому обычаю ходили в имения занимать зерно по казенной цене для посева и пропитания. Вопрос об обратной рыночной связи следует подвергнуть более обстоятельному изучению как в территориальном плане, так и по различным группам крестьян. Реакция мызного хозяйства на колебания рыночной конъюнктуры является несомненным фактом⁸. Особенно ярко она проявилась в период первого кризиса капиталистического перепроизводства в сельском хозяйстве Западной Европы во втором десятилетии XIX в. и во время понижения цен на хлеб в 40-х—50-х годах XIX века.

В литературе неоднократно отмечалось, что в это же время земля, находившаяся в феодальной собственности, в широких масштабах являлась предметом купли и продажи⁹. Влияла ли рыночная конъюнктура на продажные цены имений? Изучение динамики средних фактических продажных и залоговых цен одного гака¹⁰ земли в Лифляндской губернии и динамики цен основных сельскохозяйственных товаров в Риге (пшеницы, ржи, ячменя, овса, льноволокна, сливочного масла и водки) по пятилетиям с 1761 по 1829 г. и обработка этих данных на электронно-вычислительной машине БЭСМ-4 показали, что цены на имения практически полностью (коэффициент корреляции +0,8—0,9) зависели от цен сельскохозяйственных товаров и колебались в зависимости от них¹¹.

В районах с сохранением остатков подесечно-переложной системы земледелия, низкими урожаями зерновых и сильными их колебаниями,

⁶ Я. и К. Страубергс. Берзмуйжа и ее история. Рига. 1937, стр. 67 (на лат. яз.).

⁷ М. Сваране. Указ. соч., стр. 111—129.

⁸ См. J. Kahk. Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland. Tallin. 1969; X. Стродс. Указ. соч.

⁹ «История Латвийской ССР». Т. I, стр. 491 и др., J. Kahk. Op. cit, S. 121—125 f.

¹⁰ Гак — окладная единица на территории Эстонии и Латвии в период феодализма. Размеры гака сильно колебались по районам и менялись со временем.

¹¹ «Tabelle über die in Livland durch Transakte, Kauf-und Pfand-Contrakte übertragenen Güter, über deren Besitzwechsel seit dem Jahre 1761 öffentliche Kundmachungen erlassen worden sind». «Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft». Bd. VI. Dorpat. 1831, S. 72—73.

а также наличием свободных рабочих рук, где зерновое хозяйство не давало должного экономического эффекта, развивалось торговое льноводство. Такими районами были видземское (восточное) побережье Рижского залива и особенно восточная часть Латвии (Латгалия, восток Видземе и Аугшземе, или Верхняя Курляндия), примыкавшая к западнорусскому району товарного льноводства. В Латгалии в середине XIX в. посевы льна зачастую составляли 10—15% крестьянских посевов. В 1850 г. латгальские уезды (на долю которых приходилось 30% территории Витебской губернии) дали около 41,7% собранного в губернии льноволокна (1627 т)¹². К району торгового льноводства примыкал район, где получили распространение изготовление льняных тканей (только в Пиебалгской волости в 1844 г. работало 540 ткачей)¹³ и деятельность крестьян — перекупщиков льна (только в Лизумской волости было 30 постоянно торгующих крестьян)¹⁴. Латвийским материалом подтверждается ленинское положение о развитии обмена между различными отраслями торгового земледелия. Так, в Витебской губернии, в том числе в ее латгальских уездах, в районе развитого льноводства во все большей степени ощущался дефицит собственного хлеба¹⁵. Он имел место и в Пиебалгской и соседних с нею волостях, где крестьяне занимались изготовлением льняных тканей, а также по всему латвийскому побережью Балтики и Рижского залива.

Изучение истории скотоводства в Латвии дает возможность выявить основные направления и этапы развития торгового животноводства. Начиная со второй половины XVIII в. здесь интенсивно расширялось мясное товарное животноводство, основывавшееся на использовании побочного продукта винокурения — барды. Бардой откармливали множество быков, мясо которых поступало на рынки Риги, Петербурга и других городов. В 20-х годах XIX в. в Латвии получает развитие мериносное овцеводство, которым в 40-х годах занималось каждое третье основное частновладельческое имение в Лифляндской губернии и каждое пятое — в Курляндской¹⁶. Уже к началу 40-х годов мериносоводы производили до 85 т тонкорунной шерсти в год¹⁷.

С 50-х годов XIX в. наблюдался поворот в сторону молочного животноводства, хотя в крестьянском и мызном хозяйствах уже давно производились на продажу сливочное масло, творог, а в окрестностях городов и молоко. В 40-х годах XIX в. в Лифляндской губернии было около 10 имений, которые специализировались на молочном животноводстве, в 50-х же годах XIX в. их число достигло 70¹⁸. В середине XIX в. в Лифляндской губернии появились первые пять «масляных заводов»¹⁹. Ориентация на молочное животноводство определялась не только падением хлебных цен на европейских рынках²⁰, но, видимо, в значительной мере также и стремлением товаропроизводителей организовать товарное производство с меньшими капиталовложениями: выращивание кормо-

¹² ЦГИА Белорусской ССР, ф. 1430, оп. 1, д. 20274, лл. 55—56.

¹³ ЦГИА Эстонской ССР, ф. 1185, оп. 1, д. 123, л. 48 и др.

¹⁴ Х. Стродс. Гильдейская торговля и торгующие крестьяне в Латвии в конце XVIII и в первой половине XIX века. «Известия» АН Латвийской ССР, 1970, № 12, стр. 38—50 (на лат. яз.).

¹⁵ В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 143.

¹⁶ ЦГИА Латвийской ССР, ф. 214, оп. 1, д. 137, лл. 9—13; ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 67, л. 115 и др.

¹⁷ Х. Стродс. Мериносное овцеводство в Латвии в первой половине XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960». Киев. 1962.

¹⁸ ЦГИА Эстонской ССР, ф. 1185, оп. 1, д. 1177, л. 5.

¹⁹ Х. Стродс. Сельское хозяйство Латвии, стр. 224.

²⁰ Ю. Какк. Место России на международном сельскохозяйственном рынке в первой половине XIX в. «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М. 1972, стр. 95.

вых трав на полях требовало значительно меньше рабочей силы, чем посевы зерновых на этих же площадях²¹. По количеству продуктивного скота как в мызных, так и в крестьянских хозяйствах в Курляндской губернии к концу рассматриваемого времени (в 1862 г.) было следующее положение:²²

Виды скота	В среднем на одну мызу голов	В среднем на одно крестьянское хоз-во	
		голов	в % от показателя на одну мызу
Лошади	13	4	30,7
Крупный рогатый скот	53	9	17,0
Мелкий рогатый скот	36	15	41,7

Результатом развития торгового молочного животноводства явился переход к плодосмену и посеву кормовых трав²³. В этой связи представляет интерес тот факт, что в Курляндской губернии в 1852 г. кормовые травы выращивались в 171 имении, то есть в каждом четвертом основном имении²⁴. В 1862 г. плодосменные (обычно 9—11-польные) севообороты были внедрены в 84% имений, а 4—10-польные плодосменные севообороты — в 7412 (из 18 991), то есть в 39% крестьянских хозяйств губернии²⁵. В отличие от феодально-крепостнического сельского хозяйства, в котором размер посевных площадей, как правило, отставал от размера площади пашни, с введением плодосмена посевные площади в течение года начали превышать пашенные. Плодосменная система, являясь последним словом агрономической науки тогдашнего времени, отвечала требованиям торгового земледелия о расширении состава товарных культур и, в свою очередь, способствовала специализации в области молочного животноводства и росту урожайности хлебов. Однако, будучи несовместимой с монокультурностью сельского хозяйства, плодосменная система в то же время ставила границы капиталистической специализации сельского хозяйства.

С 40-х годов XIX в. повсюду в крестьянских и мызных хозяйствах Латвии практиковалось выращивание картофеля. Производство его в Прибалтике увеличилось с 0,60 четверти на душу населения в среднем в 40-х годах XIX в. до 0,76 четверти в 50-х годах того же века²⁶, то есть на 26,7%. В этом отношении Прибалтика уже в 40-х годах прошлого столетия достигла уровня, характерного для внутренних картофелеводческих губерний России в 70-х — 80-х годах XIX века²⁷. Быстрое распространение картофеля определялось его способностью с той же площади и при том же удобрении давать больше кормовых единиц, чем зерновые, и, таким образом, покрывать потребности неимущего сельского населения. Для помещиков картофель после внедрения в 40-х — 50-х го-

²¹ По нашему мнению, клевер нельзя наряду с картофелем и льном причислять к трудоемким культурам (см. М. И. Козин. Сельское хозяйство Латвии во второй половине XIX века. Автореф. докт. дисс. Рига. 1972, стр. 13).

²² ЦГИА СССР, ф. 1281, д. 20, л. 14.

²³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 256.

²⁴ Х. Стродс. Развитие систем земледелия в Латвии. Рига. 1957, стр. 89 (на лат. яз.).

²⁵ Х. Стродс. Плодосменные севообороты в крестьянских хозяйствах и имениях Курляндской губернии в 1862 г. «Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению систем земледелия». М. 1973.

²⁶ И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 74.

²⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 286—287.

дах XIX в. парового винокурения стал весьма дешевым сырьем (он давал шестеро больше дохода с той же площади по сравнению с зерновыми) и кормом для скота.

Развитие торгового земледелия способствовало изменению всей традиционной структуры полевых культур и становлению новой их структуры. Она характеризовалась исчезновением из севооборота старинных культур (чечевицы и др.), совершенствованием традиционных зерновых (рожь, ячмень и др.) и внедрением новых культур (клевер, картофель и др.). Развитие торгового животноводства сопровождалось увеличением роли овса. Так, в Лифляндской губернии доля посевов овса с 56% в 1805 г. возросла до 73% в 1870 году²⁸.

Для торгового земледелия в условиях Латвии характерно, что помещики пытались внедрить на мызных полях и основную крестьянскую «денежную» культуру — лен. Важными формами торгового земледелия были изготовление на мызных предприятиях льняного полотна, обработка кожи и особенно переработка зерна на пиво, а также зерна и картофеля на водку.

Широкий размах в имениях Лифляндской губернии получило винокурение. Доля использовавшегося для этого зерна здесь возросла с 10% от общего сбора в 70-х годах XVIII в. до 30% в конце того же века²⁹. Для нужд винокурения покупался привозимый из внутренних губерний России хлеб. В 20-х годах XIX в. в Лифляндской и Курляндской губерниях и в латышской части Витебской губернии работало 1007 винокурен (почти в каждом имении)³⁰. Наличие в распоряжении помещиков сырьевой базы, дешевой рабочей силы, правительственных субсидий и привилегий на винокурение, пивоварение и пр. приводило к тому, что производство этих товаров в сельской местности развивалось широко и интенсивно. В результате мызные хозяйства становились своего рода комплексными земледельческо-промышленными предприятиями. Попытки организовать переработку товаров в тех самых экономических районах, где они производились (льна — в Латгалии и Видземе, картофеля на водку — в Видземе и Курземе, зерна на крупу и муку — в Курземе и т. д.), способствовали своеобразной урбанизации деревни. Кроме того, помещики в имениях и городах заводили довольно крупные по тем временам фабрики и заводы. В 1856 г. в Курляндской губернии из 35 фабрик и заводов 10 (28,6%) принадлежало помещикам³¹.

Рост торгового земледелия, поскольку оно развивалось на основе капиталовложений, требовал снижения себестоимости товаров мызного производства ниже уровня рыночных цен. Достижению этого способствовала как оптимизация хозяйственной структуры имений, так и их децентрализация — создание небольших (до 200 дес. пашни) подмызков (фольварков). Если в 1840 г., когда начались отмена барщины и переход к денежной аренде, в Курляндской губернии (за исключением Тукумского уезда) было 494 подмызка, то в 1862 г. их насчитывалось уже 794 (рост на 60,7%)³².

Среди новых отраслей торгового земледелия были также огородничество и садоводство. Большую и плодотворную роль в распространении

²⁸ H. P. Strods. Changes in the Composition of the Traditional Field Crops in Latvia in the XIX Century. «Proceedings VIII International Congress of the Tropical and Ethnological Sciences, 1968. Tokyo and Kyoto». Vol. II. Tokyo. 1968, pp. 46—48.

²⁹ Е. Ф. Дюбюк. Крестьянское движение в Лифляндии. «Исторические записки», Т. XIII, стр. 178 и др.; F. Ch. Petri. Ehstland und die Ehsten. Gotha. 1802, S. 196.

³⁰ Х. Стродс. Сельское хозяйство Латвии, стр. 228—236.

³¹ «Список ведомостей о фабриках и заводах, состоящих в Курляндской губернии, за 1856 г.» (ЦГИА Латвийской ССР, ф. 416, оп. 1. д. 16, лл. 202а—203).

³² Там же, д. 56; «Statistisches Jahrbuch für das Gouvernement Kurland für 1862». Mitau, 1862. III. Theil.

их в Латвии сыграли русские (особенно из района Ростова Великого) садоводы и огородники. Их деятельность находила выражение в трех основных формах: взятие в аренду мызных садов и продажа выращенных в них фруктов в Петербурге; покупка фруктов у крестьян и помещиков и продажа их в городах; разбивка и аренда огородов, особенно в пригородных зонах Риги, Даугавпилса, Елгавы.

Торговое земледелие в Латвии развивалось как путем увеличения массы производимых здесь традиционных товаров, так и расширения их ассортимента. Именно в переходе от одних продуктов к другим В. И. Ленин видел важную черту развития торгового земледелия³³. Поэтому метод определения объема роста торгового земледелия путем одного только сравнения доли выбрасываемых на рынок традиционных товаров вроде льноволокна или зерна (не говоря уже о том, что рост товарности не был «постепенным» и везде только поступательным процессом), без учета ассортимента товаров, ведет к занижению уровня развития торгового земледелия. Это утверждение вовсе не противоречит тенденции развития торгового земледелия первого типа — появлению сначала элементов монокультуры в земледелии. Дело в том, что торговое земледелие в мызном хозяйстве, как говорилось выше, развивалось как результат комплексного земледельчески-промышленного предпринимательства. Крестьянское же хозяйство, на которое не распространялись дворянские привилегии, оказывалось вынужденным отказываться от производства более выгодных товаров. Поэтому элементы монокультуры в период становления товарного земледелия развивались слабо.

Становление торгового земледелия неразрывно связано с началом специализации сельского хозяйства. Экономические районы, определяемые природно-географическими условиями, существовали и раньше, но в период генезиса капитализма на месте их складывались более мелкие специализированные районы, определяемые и природно-географическими и социально-экономическими условиями. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» пришел к выводу, что «проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет»³⁴.

Специализацией сельского хозяйства обыкновенно называют концентрацию товарного производства сельскохозяйственных продуктов в тех районах и хозяйствах, в которых для создания этой товарной продукции имеются наилучшие природные и экономические предпосылки. В специализации проявляется развитие торгового земледелия³⁵. Определить районы специализированного торгового сельского хозяйства в Латвии — весьма нелегкая задача, так как они не совпадали с существовавшим административным делением, к тому же специализация часто была смешанной. Так, запад Латвии (большая часть Курляндской губернии и часть Видземе) специализировался на животноводстве, а восточная ее часть (Латгалия и частично Видземе и Курляндская губерния) — на производстве льноволокна, средняя Латвия (Земгальская низменность и др.) — на товарном зерноводстве. Винокурение и пивоварение были распространены на всей территории Латвии.

Начало специализации сельского хозяйства Латвии на производстве того или иного товара не было исключительным явлением. Развитие специализации земледелия в дореформенное время отмечалось и в других областях России³⁶.

³³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 121.

³⁴ Там же.

³⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 250.

³⁶ Э. А. Шулман. Формирование капиталистического хозяйства на южных окраинах России в первой половине XIX в. Автореф. канд. дисс. М. 1972, стр. 7.

Рост торгового земледелия стимулировался увеличением численности торгово-промышленного населения. Понятие «торгово-промышленное население» в рассматриваемое время юридически совпадало с понятием «городское население». Источники свидетельствуют о непрерывном росте числа жителей городов Латвии в XIX веке. За первые две трети XIX в. городское население Латвии увеличилось почти в 4,5 раза (с 41,7 до 185,6 тыс. человек — на 345%), то есть росло более чем в 2,5 раза быстрее, чем сельское население (оно за то же время увеличилось с 678,3 до 1 112,8 тыс. человек) и достигло в 1863 г. 14,3% от общего количества населения³⁷. Это свидетельствует о том, что в период кризиса феодально-барщинного сельского хозяйства в 30-х — 50-х годах XIX в. не только не наблюдалось застоя и упадка производительных сил, а наоборот, имел место значительный их подъем по сравнению с предшествовавшим периодом. Увеличение городского населения говорило о росте общественного разделения труда и объема внутреннего рынка, а также о соответственном уменьшении роли внешнего рынка в потреблении продовольственных товаров сельского хозяйства. Если считать, что процент товарного хлеба, необходимого для пропитания городского населения, равен проценту городского населения, то к концу рассматриваемого периода внутренний рынок должен был поглощать более половины товарного хлеба Курляндской и Лифляндской губерний.

С развитием производства товаров для рынка внутри латышского крестьянства происходили существенные социальные изменения. Оно постепенно расслаивалось, выделяя из своей среды богачей-предпринимателей и сельскую бедноту. Фактический материал подтверждает ленинское положение о том, что при первом же расширении самостоятельности зависимого крестьянства проявляются зачатки его разложения³⁸. Рост беднейшей группы крестьян заметен на всем протяжении XVIII века. Так, в герцогском имении Берзмуйжа с 1723 по 1785 г. количество семей дворохозяев увеличилось только на 14,8%, семей женатых батраков — на 224,7%, а количество неженатых батраков и батрачек — на 696%³⁹. В 1815 г. в Курземе крестьянство состояло фактически из двух социальных групп — сравнительно большой группы дворохозяев-арендаторов (30%) и массы безземельных батраков (70%)⁴⁰.

Дальнейшие исследования должны выяснить, какие факторы обусловили образование такой социальной структуры сельского населения, которая была типичной для Латвии в первой половине XIX в., — пауперизация ли феодального типа, принцип ли майората в наследовании крестьянских дворов, пауперизация ли на основе растущих капиталистических отношений, все эти факторы, вместе взятые, или нечто другое. Что касается массы безземельных, то их еще нельзя считать сельским пролетариатом, так как до отмены крепостного права в 1817—1819 гг. они юридически не были свободны и нанимались дворохозяевами для работы как на мызных, так и на крестьянских полях за плату натурой, деньгами или за клочок земли. Но масса безземельных существовала за счет продажи своих рабочих рук, а превращение рабочей силы в товар — это важное проявление развития торгового земледелия⁴¹.

Вступив на путь товаризации, мызно-барщинное хозяйство очень скоро проявило свою неприспособленность к многоотраслевому товарному производству, особенно если требовалась специализация рабочих.

³⁷ Х. Стродс. Сельское хозяйство Латвии, стр. 238.

³⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 167.

³⁹ Х. Стродс. К вопросу о становлении сельского пролетариата в казенных имениях Курляндской губернии в первой половине XIX века. «Известия» АН Латвийской ССР, 1954, № 12, стр. 32 (на лат. яз.).

⁴⁰ Я. Зутис. Видземские и курземские крестьянские законы начала XIX века (1804—1819).

⁴¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 117; т. 20, стр. 67.

Мызно-барщинное хозяйство оказалось неспособным оперативно менять свою специализацию соответственно запросам рынка. Экономическая невыгодность барщины становилась очевидной. «К началу XIX века,— писал Я. Зутис,— обнаружилось явное противоречие между ростом торгового земледелия и существующей феодально-крепостнической формой организации сельскохозяйственного производства»⁴². При отмене крепостного права на основной территории Латвии в 1817—1819 гг. латышские крестьяне были объявлены лично свободными, но вся крестьянская земля была отобрана в пользу помещиков, и крестьян заставляли арендовать ее на основе «свободных договоров». Превращение феодальных держателей земли в арендаторов и предоставление им «птичьей свободы» скорее свидетельствовали о стремлении помещиков освободиться от разоренных крестьян и продлить существование барщины (хотя юридически и без крепостного права), чем о намерении освободить крестьян от феодальных отношений. Тем не менее законы 1817—1819 гг. способствовали разложению феодальных отношений. Но при этом отмена крепостного права в Латвии не стала поворотным пунктом на пути превращения феодального крестьянства в класс капиталистического общества, так как сохранились ограничения передвижения крестьян, принудительный наем и барщина.

Развитие торгового земледелия, рост цен на рабочую силу и девальвация денег в первом сорокалетье XIX в. повысили в глазах крестьян реальную стоимость барщины, а также ценность собственной хозяйственной инициативы. Крестьянство начало упорно добиваться отмены барщины. Наряду со всеобщим обострением пассивных форм борьбы (саботаж, ломка сельскохозяйственных машин в имениях, массовый переход в православие и движение за переселение в «теплые края» на юге России, подача целыми волостями прошений об отмене барщины и др.) в это время произошел ряд восстаний («картофельный бунт» в имении Яунбегри, восстание в Яноволе), самых кровопролитных в истории борьбы латышского крестьянства за освобождение от феодального гнета. Крестьяне настаивали на отмене ограничений их хозяйственной деятельности, носивших феодальный характер, прежде всего барщины, требовали земли и свободы приложения своего труда для производства товаров, равноправия мызного и крестьянского хозяйства в производстве товаров.

Все более ясной становилась необходимость ликвидации феодального строя. Помещики искали выход в повышении норм эксплуатации, крестьянство боролось как умело и как могло, объективно приближая победу новой формации. В 30-х — 40-х годах XIX в. помещики Латвии (Курляндской и Лифляндской губерний) под влиянием классовой борьбы крестьян, роста задолженности по имениям и отчетливо проявившейся экономической несостоятельности последних начали (не довольствуясь рационализацией барщины) применять наемную рабочую силу и переводить крестьян-арендаторов на денежную ренту. К 1861 г. практически все крестьянские хозяйства Курляндской губернии и до половины хозяйств Лифляндской губернии платили помещикам в основном денежную ренту⁴³. В переходе к обработке полей наемными рабочими в 40-х — 50-х годах XIX в. можно усмотреть начало процесса, когда «торговое земледелие превращается уже в капиталистическое»⁴⁴. Отмена барщины и применение наемной рабочей силы, так же, как внедрение новой агротехники происходили под давлением экономической необходимости и классовой борьбы крестьян, а не по доброй воле помещиков.

⁴² «История Латвийской ССР». Т. 1, стр. 407.

⁴³ Х. П. Стродс. К вопросу о времени победы капиталистического способа производства в сельском хозяйстве Латвии. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963». Вильнюс. 1965.

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 63.

Что касается феодального крестьянства, то внутри него в это время усиливается разложение на сельский пролетариат и сельскую буржуазию. Большинство крестьян-арендаторов, плативших денежную ренту, имели, как уже отмечалось, усадьбы размером в 30—50 га и держали сравнительно много скота. В усадьбе жило по 10—20 человек, причем семья дворохозяина (обыкновенно 6—8 человек) составляла, как правило, меньше, а чужая рабочая сила — больше половины населения усадьбы. Это свидетельствует о том, что характер производства в большинстве усадеб был товарным.

Количество семей безземельных и дворохозяев
в прибалтийских губерниях в 1864 г.⁴⁵

Губерния	Количество семей безземельных		Количество семей дворохозяев		Общее количество семей сельского населения
	абсол. цифры	%	абсол. цифры	%	
Курляндская	96 644	84	19 023	16	115 667
Лифляндская	152 241	78,5	41 701	21,5	193 942
Эстляндская	30 099	64	16 841	36	46 940
Всего:	278 984	78,2	77 565	21,8	356 549

Как свидетельствуют данные таблицы, сельский пролетариат в Курляндской и Лифляндской губерниях составлял $\frac{4}{5}$ сельского населения. Специализированное товарное производство явилось важным фактором, ускорявшим процесс дифференциации крестьянства. Победа капитализма в крестьянском хозяйстве и в Латвии становится полной после того, как происходит разложение крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат; процесс этот завершается в пореформенное время.

Говоря о становлении и развитии торгового земледелия в условиях существования капиталистического уклада, необходимо подчеркнуть, что не все исследователи, занимающиеся изучением экономики Латвии периода позднего феодализма, обращают внимание на качественные изменения в развитии сельскохозяйственного товарного производства на протяжении трех столетий, с XVI по XVIII в. включительно⁴⁶. Подобный подход не дает возможности объяснить даже такие явления в сфере социально-экономической жизни второй половины XVIII в., как настоятельное стремление помещиков к расширению мызной запашки и в связи с этим постоянный рост барщины, что приводило к массовым (в том числе и к первым вооруженным) выступлениям крестьянства⁴⁷. Если мызы продавали только излишки своей продукции, то становится неясным, почему они производили массажи такие товары, в которых хозяйство самого помещика практически не нуждалось (водка, мериносовая шерсть, льноволокно и др.). Несмотря на то, что товарное производство было основано на барщинном труде, воспроизводство носило натуральный характер, а наем рабочей силы для выполнения барщины яв-

⁴⁵ Х. Стродс. К вопросу о становлении сельского пролетариата, стр. 35.

⁴⁶ В. В. Дорошенко. Дворянское предпринимательство в Латвии XVI—XVIII вв. «Известия» АН Латвийской ССР, 1972, № 10, стр. 42.

⁴⁷ М. Стеррманис. Крестьянские волнения в Видземе. 1750—1784. Рига. 1956 (на лат. яз.).

лялся зачастую принудительным, ясно, что помещики производили «на продажу, а не на себя»⁴⁸. Товарное производство постепенно и неуклонно изменяло социально-экономическую природу хозяйств.

Зарождение капиталистического уклада в Латвии относится ко второй половине XVIII века. Развитие его в недрах феодализма — процесс сложный, в ходе которого феодальная форма нередко маскировала новую сущность. Но именно развивающиеся новые явления составляют основу процесса замены феодального строя капиталистическим. Вот почему нельзя согласиться с утверждением, будто генезис капитализма в Латвии фактически начинается только после 1861 года⁴⁹. Такая точка зрения явно противоречит высокой степени развития в Прибалтике капитализма как формации победившей и утвердившейся уже в 70-х — 80-х годах XIX века.

Конечно, победа капитализма не устраняла полностью остатков старого, даже в помещичьем хозяйстве этот процесс проходил постепенно. Сохранялись часть старой сельскохозяйственной техники, пережитки феодальных форм найма, медленно изменялся сельский быт. Помещики, основываясь на феодальном праве, сосредоточивали в своих руках наиболее выгодные отрасли хозяйства, а полученные от них средства нередко уходили на укрепление феодальной структуры. Имело место и подавление товарного производства в крестьянском секторе. Влияние рынка и его регулирующее воздействие на производство не охватывали всех крестьянских хозяйств, и обмен между отдельными отраслями сельского хозяйства был еще ограниченным. Помещичье хозяйство «врастало» в капитализм не только на крестьянских плечах, но и наступая на крестьянское хозяйство и разоряя его. И все же мызно-барщинное хозяйство в Лифляндии и Курляндии еще до отмены крепостного права (в 1817—1819 гг.) стояло на таком уровне, что все его продукты были товарами⁵⁰.

Развитие товарного земледелия в первую очередь представляло собой характерную черту перестройки сельского хозяйства, происходившей во всех странах к востоку от Эльбы. Эта черта была присуща и латвийскому сельскому хозяйству. Нет сомнения в том, что путем расширения товарного производства феодальными методами (а если этого становилось недостаточно — и путем капиталовложений) «торгующее» дворянство объективно пыталось увеличить доходы и таким образом укрепить свои экономические и политические позиции и феодальные отношения в целом. Поэтому рост торгового земледелия нельзя всегда рассматривать только как «разлагающий фактор» феодальной формации. Торговое земледелие, с одной стороны, пришло в противоречие со старыми, феодальными порядками, а с другой — способствовало мобилизации средств феодального строя для сохранения им своего господства. Однако объективно, с точки зрения перспективы социально-экономического развития, расширению торгового земледелия был присущ явно антифеодальный характер. В результате развития торгового земледелия отношения крупнотоварного хозяйства с другими элементами рынка преобразовывались. В зависимости от этого по мере изменения принципов хозяйственной жизни, превращавших рабочую силу в товар, менялись отношения эксплуататоров и эксплуатируемых. Развитие торгового земледелия в Латвии в известной мере сближало феодальное мызное хозяйство с капиталистическим крупным предприятием и облегчало переход к нему, придавая тем самым и капиталистическому

⁴⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 516; т. 3, стр. 184.

⁴⁹ М. И. Козин. Специализация Латвии на молочном животноводстве (1860—1914 гг.). «Известия» АН Латвийской ССР, 1968, № 7; его же. Сельское хозяйство Латвии во второй половине XIX века, стр. 52—53 и др.

⁵⁰ Я. Зутис. Латвия в период разложения барщинного хозяйства и Каугурское восстание 1802 г. Рига, 1953, стр. 78—79 (на лат. яз.).

аграрному строю, даже существовавшему пока лишь в форме уклада, реакционные черты.

С переходом к использованию наемной рабочей силы докапиталистическое крупнотоварное производство постепенно превратилось в крупное капиталистическое товарное производство, капитализируя свои богатства и привилегии. По мере вовлечения крестьянского хозяйства в торговое земледелие размеры земельных участков во все меньшей степени становились действительным показателем величины и характера ведущегося хозяйства, а также уровня благосостояния крестьян⁵¹. Крестьянство расслаивалось и начало играть все большую роль в процессах промышленно-промысловых. Развитие торгового земледелия способствовало разложению феодальных локальных и периодических форм торговли (ярмарки, ежемесячные и еженедельные торги) и расширению непрерывной магазинной и рыночной торговли, сокращению торговли предметами роскоши и увеличению объема торговли товарами массового потребления. Оно стимулировало включение Латвии в систему аграрного всероссийского рынка и явилось одной из важнейших социально-экономических предпосылок победы капиталистических отношений в Латвии к началу 60-х годов XIX века.

---

⁵¹ См. И. А. Булыгин, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, С. М. Троицкий, Начальный этап генезиса капитализма в России. «Вопросы истории», 1966, № 10, стр. 79.